

Галина Семькина

Одесские очерки П.П. Свиньина

Одесса, основанная в 1794 году, уже в первые десятилетия своего существования стала предметом описания отечественных и зарубежных литераторов, в стихах и прозе выражавших удивление и восхищение быстротой ее роста и процветания. Казалось бы, все, написанное об Одессе, учтено и известно. Но случайный текст, найденный в одном из старинных журналов, показался мне ускользнувшим от внимания как ранних, так и более поздних исследователей истории нашего города.

Очерк «Письмо к господину N. N. об Одессе» неизвестного автора, датированный 30 октября 1816 года, был опубликован в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 38, № 20-21). Журнал был основан в 1812 году и выходил под редакцией Н.И. Греча. В первые годы издания в нем помещались материалы, посвященные войне 1812 года. Начиная с 1816 года, в журнале появляются литературные публикации талантливых авторов, в числе которых были и будущие декабристы.

Очерк о юной Одессе (городу исполнилось всего 22 года) был довольно объемным и едва ли не первым сочинением на одесскую тему, напечатанным в данном издании. Эта тема станет привычной для читателей отечественных журналов лишь в конце 1820-х годов, после появления в печати знаменитого пушкинского отрывка из «Путешествия Онегина»: «Я жил тогда в Одессе пыльной...».

Воспользовавшись популярной в литературе начала XIX века эпистолярной формой, безымянный автор очерка сообщает своему корреспонденту, что летом 1816 года совершил путешествие из Москвы в Крым через Одессу, где, по его словам, остановился и жил достаточно долгое время, чтобы составить представление о мало кому еще известном городе («...об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке»).

«Письмо» начинается с информации об истории торговли на Черном море, почерпнутой из малоизвестных источников, затем следует рассказ об основании Одессы, ее нынешнем состоянии и о роли порта в развитии Одессы.

Город описан довольно живо: в очерке немало любопытных зарисовок с натуры, например, сцена в католической церкви со сбором пожертвований для бедных, подробное описание одесского карантинного и строгих правил содержания в нем; эпизод с воспитанниками Благородного института на обеде у военного губернатора и т. д.

Вперемежку с историческими и статистическими сведениями перед нами проходят живописные картины старой Одессы, увиденные глазами современника. Вот описание нынешней Греческой улицы:

«...Тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак».

Или, к примеру, следующий отрывок, относящийся к Городскому саду:

«Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов».

Завершается «Письмо» своеобразным интервью, взятым у одесского «почтенного чиновника», о трудностях, испытываемых молодым городом, и способах их преодоления.

Кто был автором «Письма»? Судя по содержанию и стилистике, это был человек дворянского происхождения, образованный, причастный к литературе.

Пришлось вновь обратиться к тексту «Письма», в надежде, что разгадка (как и сама загадка) кроется именно там. И я не ошиблась.

После очередного внимательного прочтения несколько фраз, и особенно анекдот о причинах чумы в Одессе в 1812 году, показались знакомыми. Затем припомнился и источник этих отрывков. В 1830 году в журнале «Отечественные записки» (ч. 41, № 117) был опубликован очерк П. Свинына «Взгляд на Одессу (Из живописного путешествия по России

изд. «От. зап». 1825 г.)». Он был иного содержания, так как описывал Одессу 1825 года, но некоторые сюжеты и фразы полностью совпадали, да и стилистика двух очерков была схожей. Несомненно, и этот ранний текст – «Письмо к господину N. N. об Одессе» – принадлежал перу П.П. Свиньина.

Павел Петрович Свиньин (1787-1839) – писатель, журналист, художник, редактор и издатель журнала «Отечественные записки» (1818-1839), был человеком одаренным и любознательным. Будучи дипломатом, служил в Америке, Германии. Совершил несколько путешествий по России.

П.П. Свиньин

Результатом заграничных и отечественных путешествий явились статьи, опубликованные в журналах (самые ранние публикации появились в журнале «Сын отечества» в 1814 г.), а также книги путевых очерков и исторические романы.

Итак, впервые П.П. Свиньин посетил южный город в период его начального и очень бурного развития (1816 год) и под впечатлением увиденного написал «Письмо к господину N. N. об Одессе». Публикация в журнале «Сын отечества» оказалась первым подходом П.П. Свиньина к одесской теме. (Впоследствии текст, помещенный в «Сыне отечества», не был учтен в дореволюционных библиографиях, полузабыто и первое путешествие писателя по Югу России.)

Результатом второго посещения нашего города (1825 год) явился известный очерк «Взгляд на Одессу», опубликованный в журнале «Отечественные записки» в 1830 году, где одесская тема получила продолжение и развитие. Это была уже совсем другая Одесса, уверенно расцветающая под южным небом: в новом очерке появляются новые названия, имена и сюжеты. Этот текст более известен (хотя ни разу не перепечатывался), на него часто ссылаются пушкинисты при описании Одессы пушкинской поры.

Был еще и третий подход писателя к одесской теме. Очередной очерк «Одесса» вошел в книгу П.П. Свинына «Картины России и быт ее разноплеменных народов» (Ч. 1. СПб., 1839), изданную уже после смерти писателя. В основу текста легло описание Одессы, опубликованное в 1830 году. Тем не менее, наряду с редакторскими правками в тексте вновь появляются дополнительные сведения об истории Одессы и переменах в ее жизни уже в четвертом десятилетии существования города. Последний очерк завершается упоминанием о пребывании в Одессе А.С. Пушкина, который «сделал верный и прелестный очерк ее в «Онегине», и приводятся начальные строфы пушкинского описания Одессы.

Экземпляр этой редкой книги хранится в коллекции Одесского литературного музея, а очерк «Одесса» был опубликован уже в наше время в сборнике «Южная столица» (Одесса, 2009), составленном и подготовленном к печати сотрудниками музея.

Но вернемся к первому «одесскому» очерку П.П. Свинына «Письмо к господину N. N. об Одессе» (он приводится ниже). Его ценность – в новизне и свежести взгляда на юный город. Описание Одессы 1816 года, увиденной глазами современника, в данном случае играет роль документального репортажа, то есть первоисточника, и пополняет библиотеку ранних текстов об Одессе.

Для сравнения предлагаем читателям также ознакомиться с более поздним очерком П.П. Свинына «Взгляд на Одессу», где дано описание города 1825 года.

Это первая републикация текста.

<П.П. Свинын>

Письмо к господину N. N. об Одессе

30 октября 1816 года

Вы всегда были со мною согласны, что русскому дворянину должно прежде познать и обозреть свое отечество (которому обязан он посвятить всю жизнь свою), и потом уже ездить по чужим краям. Давно хотелось мне предпринять путешествие по России; служба и другие обстоятельства препятствовали к тому; наконец, нынешним летом предстала возможность удовлетворить моему желанию.

Странствие мое началось из Москвы через Смоленск, Чернигов, Киев, Новомиргород, Елисаветград и Николаев в Одессу. Прожив довольно долго в сем последнем городе, который через обширную и выгодную торговлю увеличился и возвысился в самое короткое время на такую степень, что может стоять наряду с первыми европейскими торговыми городами, проехал я через Очаков, Николаев, Херсон в Крым и по обозрении сей очаровательной страны, где почти на всяком шагу встречаешь или чудеса природы, или остатки древности отдаленнейших времен, возвратился в Москву через Мелитополь (или Орехов), Мариуполь, Таганрог, Новочеркасск, Воронеж и Тулу.

У меня было довольно много свободного времени; я делал мои замечания; и теперь, ежели служба или случай заставит меня жить в сих местах, то имею уже некоторое понятие об оных. Не нахожу нужным сообщать вам всех моих замечаний. У нас есть хорошие и подробные описания о тех странах, которые я проехал, но об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем, или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке*. Вы то же подтвердили, требуя от меня описания Одессы. Исполняю желание ваше. Я сделаю сперва краткое начертание истории торговли нашей на Черном море и основания Одессы, потом опишу настоящее положение сего порта.

Весьма вероятно, что описание мое неполно и может быть неудовлетворительно, но прошу вспомнить: я ездил как частный человек и, следовательно, не имел возможности вникнуть во все подробности.

Краткое начертание истории торговли нашей на Черном море

По завоевании турками Греческой империи соделались они единственными властелинами над Черным морем. Султан Ма-

* В 1802 году издано на французском языке сочинение поляка Малековского под названием «О выгодах торговли по Черному морю для Франции и России». В 1804 году напечатан на сем же языке «Опыт о плавании по Черному морю». В 1809 году в Британской библиотеке помещено письмо одного француза об Одессе. Я заимствовал из сих сочинений некоторые сведения в описании истории торговли нашей на Черном море.

гомет II одним только венецианам дал дозволение производить торговлю в портах сего моря, но возложил на них обязанность привозить на каждом судне положенное количество пороха и огнестрельного оружия. Когда же сей хитрый Султан приобрел чрез то достаточное число оружия и военных снарядов, то запретил и венецианам вход в Босфор. Потомки его сохранили сию систему, и более трехсот лет одни только турки владычествовали на водах Черного моря.

Торговля совершенно уничтожилась, продолжительные войны, самовластное и сумасбродное правление турков, притеснения их, хищничество правителей, присылаемых из Константинополя, час от часу уменьшали народонаселение на северных берегах сего моря; наконец, земледелие и промышленность исчезли; порты, бывшие прежде в самом цветущем положении, упали, и страны сии соделались убежищем кочующих орд разбойников.

Петр I, сей великий преобразователь России, желая сблизить нас с другими просвещенными народами, призвал торговлю на помощь. Он завоевал и устроил несколько портов на севере; но тщетны были его усилия завести торговлю на Черном и Азовском море. Ему удалось взять у турков Азов, построить при впадении реки Миуса крепость Св. Павла и учредить Таганрогский порт*, но неудачная война и известные происшествия под Прутом положили преграду великим его предприятиям. Екатерине II предоставлено было непрерывными победами привести в исполнение начинания Петра, Александру I – довершить их.

Сколько домогательств, сколько усилий употребляла Россия, чтобы приобрести право свободной торговли по Черному морю! Наконец победы в 1773 и 74 годах и мир при Кайнарджи приближили Россию к ее цели; трактатом 1779 года позволено нашим судам свободно плавать по сему морю, производить беспрепятственно торговлю и проходить через Дарданеллы. Екатерина II, не имея ни одного порта, чтобы пользоваться выгодами сей торговли, избрала место при лимане, или заливе, составляющем устье Днепра, для устройства гавани и сооружения флота, который предположено было держать на Черном море. И в 1780 году Херсон восприял свое начало.

* Таганрогский порт устроен вскоре после взятия в 1696 году Азова [...]

Императрица пожаловала сему новому городу большие преимущества, которые вскоре привлекли туда множество иностранцев; открылись торговые сношения прежде с Константинополем и Архипелажскими островами, потом с Марселию, Триестом и другими городами на морях Адриатическом и Средиземном. Привоз к нам и вывоз наших товаров был тот же, что теперь составляет одесскую торговлю. Наши продукты доставлялись в Херсон наиболее водою по Днепру.

Но к успешному производству сей торговли встретились многие неудобства. Днепровские пороги чрезвычайно затрудняли привоз наших товаров; должно было выгружать их из барок, везти сухим путем и потом вновь нагружать на другие суда. Иностранные корабли, за мелководием Днепра у Херсона, не все могли приходить в порт, но те, которые шли в воде более шести футов, должны были останавливаться в 30 верстах у пристани Глубокой и там нагружаться. Сверх того, Днепр иногда в октябре замерзал, следовательно, торговля продолжалась не более семи месяцев в год. Но границы наши простирались только до Буга, и другого лучшего места для учреждения порта не было.

Однако ж, невзирая на сии столь важные неудобства, коммерция наша на Черном море год от году усиливалась; торговый трактат, заключенный с турками в 1783 году, еще более содействовал к тому. В сем же году крымский хан Шагин-Гирей уступил России Таврический полуостров, и у нас открылись на Черном море еще порты: Кефа, или Феодосия, Евпатория и Керчь. Новая война в 1787-м году остановила успехи торговли, но мир 1792 года восстановил, усилил и споспешествовал к приведению оной в то цветущее положение, в котором она теперь находится. Сим миром границы наши распространились от Буга до Днестра. Вскоре за сим и при разделении Польши отошли к нам места, прилежащие к Черному морю.

Столь счастливая перемена обстоятельств доставляла возможность устроить новый порт, который бы имел более удобностей, чем Херсон; при том же должно было открыть плодоносным местам Польши, доставшимся России, средства к выгоднейшей продаже хлеба ближе Херсона.

Основание Одессы

Залив Черного моря при бывшей небольшой крепости Гаджибей признан к тому удобным. В 1783-м (1789. – Г. С.) году крепость сия была взята адмиралом Рибасом, и при заключении мира Гаджибей вместе с прочими землями, лежащими между Буга и Днестра, присоединен к России. Близкое расстояние сего места от Польской Украйны, загнутые с одной стороны от моря полу-кружием берега, составляющие тихую заводь, удобность к производству торговли со многими державами – все сие обратило внимание правительства, и на месте бывшей крепости Гаджибей предположено основать город и учредить торговый порт, которому дано имя Одесса.

Но к скорому устроению Одессы встретились некоторые затруднения. Многие представляли императрице, что должно учредить торговые порты по примеру иностранных европейских держав, при впадении больших рек в море; что кораблям безопаснее стоять в гавани и способнее нагружаться; что продукты наши изнутри государства могут удобнее и дешевле приходить реками, и что, наконец, в случае нападения неприятелей флот их в реку войти не может. Все сие справедливо, только должно бы было сообразить, что наши Днепр, Буг и Ингул не то, что Темза, Гаронна и проч.; что наши реки несколько месяцев в году покрыты льдом и во многих местах по мелководию к судоходству не способны.

Открытие торгового порта в Одессе

Описанная выше удобность местного положения Одесской гавани, которая никогда почти не замерзает и способствует чрез то к производству непрерывной торговли, побудила императрицу решительно приказать приступить к устроению порта. Назначены были полки для работы, учреждена строительная комиссия, и 1796 года одесский порт был открыт.

В городе построено было уже довольно казенных и частных домов; многие иностранные купцы установили там свои конторы, и в конце того года до 60 кораблей австрийских, италианских, турецких и греческих пришли в Одессу.

Одесса. Рисунок П.П. Свинына

С 1796 года до вступления на престол ныне царствующего императора торговля в Одессе производилась не с большим успехом; но с 1802 года, после Амьенского мира, когда турки дали право свободного плавания по Черному морю французам, потом англичанам, пруссакам, гишпанцам, неаполитанцам, рагузинцам, голландцам и Республике Семи Островов, коммерция на Черном море час от часу усиливалась, и Одесса соделалась главным портом и средоточием торговых дел.

Распоряжения правительства к распространению и усилению торговли в Одессе

Правительство наше не упустило воспользоваться теми выгодами, которые обещала торговля в Одессе. Употреблены все средства к распространению и усилению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. Уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд и Карантин, установлены иностранные консульства, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора, которые

назначено употреблять «на устройство и расширение порта и набережной, на исправление мола, на заведение и содержание гошпиталей, фонтанов, водопроводов, колодезей и тому подобных общественных устройств. Сверх того, для усиления населения Одессы высочайше повелено градоначальнику всякими выгодами и поощрениями привлечь туда иностранцев»*. Мудрые меры сии увенчаны совершенным успехом; коммерция в Одессе в короткое время усилилась и пришла в самое цветущее положение. Не стану следовать год за годом за чудесным приращением сей торговли и окончу описание мое одним убедительным доказательством. Когда Дюк де Ришелье вступил в управление Одессою в 1803 году, таможенный сбор был не более 28.000 рублей в год; теперь сбор сей простирается более миллиона; откупная винная сумма была 14.000 рублей, теперь 375.000; почтовый доход не более 3.000, теперь с лишком 40.000. (Сведения сии сообщены мне одним почтенным одесским чиновником.)

Нынешнее положение Одессы

Вид города на высокой каменной горе прекрасен. Надобно проехать несколько сот верст по степям, на которых изредка кой-где найдешь небольшие селения и людей, чтобы почувствовать всю приятность быть в многолюдном торговом городе. Необозримое море, множество кораблей в гавани с разноцветными флагами, толпа народу разных наций; все сие после скучного единообразия степей делало мне большое удовольствие.

Осмотр города

Я остановился в италийском трактире, называемом Новый клуб; мне отвели за довольно дешевую цену, за два рубля в сутки, две комнаты. Отдохнувши, поехал я осматривать город; за дрожки парю взял с меня 20 р. в день: это дороже, чем в Москве или

* Высочайшие указы на имя бывшего градоначальника Дюка де Ришелье в с.-петербургском журнале 1804 года, месяц март, стр. 12; мес. июль, стр. 3; мес. октябрь, стр. 15.

даже в Петербурге. Было воскресенье, благовестили к обедне, и я велел везти себя в русскую церковь.

Русский собор и католическая церковь

Здесь собор обширен и имеет прекраснейшую архитектуру; внутри иконостас еще не совсем окончен. Католическая церковь невелика, но довольно великолепна; я нашел в ней множество народа. После проповеди прекрасная женщина, одна польская знатная графиня, приблизилась к алтарю и, помолившись Богу, пошла по церкви собирать милостыню для бедных; ее вел за руку молодой мужчина; они прошли мимо меня, и я увидел на блюде у них много ассигнаций, червонных и серебряных денег. Нельзя не похвалить сего обряда: кто решится отказать прелестной женщине, испрашивающей пособия бедным?

Гавани: Военная и Купеческая

В Военной гавани стояло несколько транспортных судов, и один фрегат на рейде; в Купеческой же нашел я множество кораблей. В обеих сих гаванях сделаны насыпи, вдавшиеся в море сажень на 200. Сии насыпи обложены камнем и сделаны столь широко, что повозки без затруднения подъезжают по ним для нагрузки на суда. Здесь следовало бы описать, каких наций корабли приходят в Одессу, как и чем они нагружаются, но, чтоб не прервать материи, которая началась осмотром города, я помешу о сем после при описании нынешней одесской торговли.

Карантин

Подле Купеческой гавани обгорожено довольно большое пространство земли со всех сторон каменною стеною; здесь находится Карантинная контора и магазейны для складки привозимых в Одессу иностранных товаров, где они проветриваются и обкуриваются положенное время. Тут же у само-

го берега построено несколько небольших так называемых *переговорных* домиков с деревянными решетками. Никто из капитанов кораблей и пассажиров не может выйти на берег, не выдержав карантина; ежели же кто из них хочет видаться со здешними жителями, то, с позволения начальника Карантина, разговаривают с ними в сих домиках через решетки. Подле них обгорожено место, на котором положены съестные припасы, бочки с водою, дрова и тростник; с кораблей приезжают, берут что нужно, оставляют положенные по таксе деньги и возвращаются назад; далее сего места не пускают никого поставленные часовые.

Карантин, где содержатся люди, находится в строениях уничтоженной крепости на горе. Вход туда чрезвычайно затруднителен: надобно просить карантинного начальника, особенно же в то время, когда я был, там содержалось несколько турков, зараженных чумою.

Как никто с кораблей не имеет права сойти на берег, так равно и с берега никто не смеет ехать на корабли. Нагрузка производится посредством карантинных транспортных судов; их наполняют подле описанной выше насыпи, и несколько человек ведут к кораблю, привязывают судно и тотчас съезжают назад на шлюпках. Тогда с корабля идут матросы на судно, выгружают его, дают знак, и те же люди едут, приводят судно опять к насыпи, вновь нагружают и так далее.

Сверх того, стоящая в нескольких верстах в море брандвахта предварительно осматривает суда, и ежели найдет между людьми признаки чумы, то, не допуская до гавани, тотчас берет их и отсылает в Карантин.

Одним словом, приняты все возможные меры, чтобы не допустить чумы до Одессы; но несмотря на сии предосторожности, которые весьма строго наблюдаются, моровая язва возникла в 1812-м году от ужаснейшего злоумышления. Я слышал (однако ж за верность сего ручаться не могу), будто по исследованию о причинах, отчего распространилась чума, открылось, что на улице нашли большой сундук с платьем и другими пожитками, которые простой народ в самое короткое время, прежде, нежели дошло сие до сведения полиции, успел растаскать по домам

своим, и затем вскоре началась чума. Мне сказывали, что в то же время поймали несколько подозрительных людей, которые признались, что они сделали сие по наущению французов. Ежели слышанное мною справедливо (чему, однако ж, легко поверить можно, ибо Бонапарте, как известно по многим прежним опытам, способен был на всякое злодейство), такой умысел достоин быть помещенным в биографии его и сохранен для потомства. Он желал в одно время обременить Россию всеми бедствиями; внутренность государства жег и разорял; на другом конце хотел распространить ужасы моровой язвы; но правительство приняло деятельные меры, чума в Одессе в самое короткое время прекращена и не допущена до соседственных мест.

Улицы одесские

Одесса построена по плану: везде широкие прямые улицы, во многих местах сделаны для прохожих широкие тротуары, обсаженные тополевыми деревьями; дома каменные или из здешней плиты, построены по новейшей архитектуре, и есть несколько огромных зданий.

Одна улица, идущая прямо от Собора к морю, понравилась мне чрезвычайно необыкновенною смесью всего: тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак; тут же жидаы меняют деньги; мальчики и женщины кричат, продавая иной фрукты, другой рыбу.

Улица наполнена разными нациями. Русские, поляки, греки, англичане, голландцы, итальянцы, жидаы толпятся там; шум страшный! Сверх того, беспрестанно ездят дрожки и возы на волах или лошадях. Я часто бывал на этой улице. Ничего не может быть приятнее, как видеть деятельность и живость в народе, которую можно найти только в торговом городе.

Публичные здания: Институт, Гошпиталь, Гостиный двор, Театр и Клуб

По предложению бывшего военного губернатора Дюка де Ришелье, учрежден здесь *Институт*. Дом большой, хорошей архитектуры, с садом. Дюк де Ришелье сам наблюдал за порядком, учением, хорошим содержанием воспитанников и привел все в самое лучшее положение. Нынешний военный губернатор поддерживает в том же устройстве учреждения предшественника его; как и мне кажется, Институт сей есть одно из лучших мест для воспитания у нас в России, тем более что по ходатайству Дюка де Ришелье государь император повелел сравнить его с гимназиями, и выходящим с хорошими аттестатами отличникам предоставлено то же право, как студентам, то есть по вступлении в службу производство в офицеры через 6 месяцев.

Дюк, отъезжая отсюда, показал еще новый опыт расположения своего к истинному добру: он испросил у его величества, чтобы жалованье его, пансион и столовые деньги обращены были для воспитания шести бедных дворян, и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в сражениях прошлой кампании. Вообще, я должен заметить, что имя Дюка де Ришелье до сего времени упоминается между здешними жителями с признательностью и уважением.

Еще несколько слов об Институте: я был приглашен в воскресенье обедать к военному губернатору и нашел у него между многими генералами, польскими графами, иностранными консулами и прочими почетными здешними чиновниками четырех воспитанников Института, опрятно одетых, с серебряными медалями.

Дюк де Ришелье установил, чтобы воспитанники, отличившиеся в продолжение недели хорошим поведением и успехами в науках, были приглашены к обеду его по воскресеньям. Нынешний военный губернатор сохраняет сие установление. Свежесть лиц, ловкость воспитанников в обращении доказывает, в каком хорошем положении находится Институт. Во время обеда военный губернатор несколько раз разговаривал с ними по-французски; они отвечали ему без робости и остановки на том же языке.

Госпиталь существует с 1808 года и содержится в том же совершенном порядке, как и все богоугодные и человеколюбивые заведения в России, коими она может славиться.

Гостиный двор – высокое пространное здание хорошей архитектуры, только большая часть лавок заперта: оне, как мне сказывали, служат вместо магазейнов для складки товаров.

Здесьний *Театр* имеет большое сходство и, кажется, построен по рисунку древнего храма Минервы или Парфенона, помещенному в Путешествии младшего Анахарсиса по Греции*. Прекраснейшее строение! Зала хорошо расписана и не меньше петербургского Немецкого театра; ложи в три яруса и вверху парадис; только странно, что здесь первые и лучшие кресла в таком месте, где обыкновенно бывает партер; лавки сделаны ярусами одна одной выше, и самая верхняя называется *запертые кресла*; места по нумерам и цена дороже. Партер внизу подле оркестра.

В первый раз, когда я был в театре, представляли русские актеры; ложи, кресла, партер и парадис – все было наполнено; давали две небольшие комедии Коцебу и в заключение балет турецкий. Русские актеры, и в особенности актрисы, весьма плохие; многие из них пожалованы зауряд из поляков в русские и выговаривают очень смешно; балет также посредственный. Через два дня потом давали италянскую оперу. Я поехал с предубеждением, что все будет столь же прелестно, как в русском спектакле; но очень ошибся: оркестр играл согласно, пели как нельзя лучше; один актер (кажется, фамилия его Замбони) имеет превосходный голос и походит чрезвычайно на петербургского актера Самойлова.

Здесь содержит Театр, Клуб и трактир, в котором я стоял, один италянец, балы в *Клубе* даются только по воскресеньям и праздникам. Зала довольно пространная, с хорами. В Одессу приезжает много богатых поляков и полячек, иные по делам коммерческим, другие для лечения себя морским купаньем, а прочие затем, чтобы веселиться; говорят, будто не проходит почти ни одного дня, чтобы не было где-нибудь бала.

* Voyage du jeune Anacharsis, Tome 2, chapitre XII. Tab. 10.

Публичный сад и морское купанье

Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов.

Для купанья в морской воде ездят за несколько верст за город на залив: там видел я разбитые нарочно для сего палатки; но многие купаются между Военною и Купеческою гаванями. Тут также хорошо отмель идет на большое пространство; песок и вода чисты.

О нынешней одесской торговле

Торговлю сию составляет пшеница, пшеница и пшеница. Повсюду ее видишь: под многими домами в Одессе сделаны магазинны, которые наполнены пшеницею; там ссыпают ее в магазинны; в другом месте перечищают или *гροхотят*; здесь накладывают в мешки и отправляют в гавань. Сверх того, большая площадь вся заставлена фурами, и беспрестанно видишь новые обозы, приходящие в город.

Пшеница идет в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, частью Екатеринославской и Херсонской. Из первых привозят ее сухим путем, а из последней более водою на транспортных судах Днепром и лиманом, до самой Одессы. Во время пребывания моего цена ей была: так называемой арнаутки – 38 рублей, простой – 32 руб. четверть. Говорят, бывает иногда гораздо дороже; но купцы, отправляющие пшеницу в чужие края, получают чрезвычайно большие барыши. Один богатый греческий купец, торгующий с Константинополем, сказывал мне, что продает иногда, переводя тамошние деньги на наш курс, с лишком по сту рублей четверть; провоз же стоит очень дешево: при попутном ветре корабль доходит из Одессы до Константинополя менее двух суток. Уверяют, что те, кто отправляет отсюда нынешний год пшеницу в Италию, должны обогатиться: там неурожай, и хлеб чрезвычайно дорог.

В Одессу приходят корабли: греческие, турецкие, итальянские, французские, гишпанские, английские, австрийские, голландские. Их груз состоит большею частью из балласта и чистых серебряных или золотых денег, которые оставляют они у нас в Одессе. Не могу утверждать наверное, но мне сказывали, что нынешнего года, начиная с генваря по август (время, которое я был в Одессе), вошло до 30 миллионов серебром и золотом, которые отправлены во внутренность России.

Здесь было уже нынешний год и, нагрузившись пшеницею, ушло с лишком 600 кораблей; при мне стояло в гавани около 300, а еще оставалось более трех месяцев свободной навигации. На каждом судне может поместиться, как мне сказывали, 1200 четвертей: следовательно, ежели положить, что в Одессу приходит ежегодно только по тысяче кораблей, то вывозят они 1.200.000 четвертей пшеницы и оставляют у нас за них серебро свое и золото. Доходы жителей окружных здешних мест с тех пор, как открылась столь важная торговля в Одессе, чрезвычайно увеличались. Едва ли во всей России можно найти места, выгоднее здешних; земля же до сего времени не так дорога в сравнении с ценою, до которой она возвысилась теперь во внутренних наших губерниях. Один знакомый мне помещик, имеющий не в дальнем расстоянии от Одессы 200 душ и с небольшим 2000 десятин земли, сказывал, что прошлого года получил на одном хлебе до 18.000 руб. дохода.

Сверх пшеницы отправляют из Одессы: сало, воск, икру, лен, пеньку, парусину, кожу и прочие наши продукты, но не в большом количестве. К нам привозят: виноградные вина, сахар, кофей, турецкий табак и проч., но также немного.

Здешние извозчики, которые нанимаются возить пшеницу из магазейнов в гавань, берут с купцов невероятную цену. Я расспрашивал у них нарочно об этом и узнал, что иногда во время грязи, осенью или весною, платят по рублю серебром с четверти. Накладывают они по четыре четверти на лошадь и успевают иные обернуть 5 раз в день, следовательно, вырабатывают по 20 руб. серебром или по 80 руб. ассигнациями на лошадь ежедневно. Я не поверил бы, ежели б не слышал об этом после от самих извозчиков. Я был в удобное и лучшее для них время; погода была сухая,

но и тогда получали они по 35 копеек с четверти и вырабатывали рублей около 10 в день на каждую лошадь. Правда, им содержать себя здесь дорого: четверть овса – 10 и 11 руб.; куль ржаной муки – 17 руб.; но в Петербурге почти всегда такая же цена, а там извозчики вряд ли ежедневно могут вырабатывать по десяти рублей на каждую лошадь. Должно бы постановить и здесь таксу, как в Таганроге, сколько в какое время платить извозчикам; но купцы сами получают иногда с лишком двойные барыши, так беда невелика, ежели от них наживаются извозчики.

Вообще работники здесь очень дороги, каждый человек без лошади может выработать рублей пять или шесть в день.

О неудобностях одесского порта

Я объяснил выше, что об Одессе в нынешнем положении знаем мы весьма мало. Желая иметь истинное и настоящее понятие о сем порте, старался я перед отъездом моим собрать нужные сведения в разговорах с людьми, которые там были. Многие рассказывали мне о больших неудобностях, часть которых я действительно видел, но видел также, что к отвращению их приняты все нужные меры.

Сообщаю вам от слова до слова разговор мой о сем предмете с одним почтенным чиновником, который почти с самого основания Одессы занимает одну из главных должностей в управлении сего порта. Почитаю нужным тем более сообщить вам мой разговор, что вы сами и многие общие наши знакомые заключали по слухам весьма невыгодно о торговле одесской; предполагали, что по многим важным неудобствам никогда не может она возвыситься на ту ступень, на которую местное положение и близкое расстояние от плодоносных и изобильных мест должны бы возвести ее. К опровержению сего представляю разговор наш:

– Мне сказывали, что здешний порт ненадежен: корабли с двух сторон защищены горами от бурь и ветров, но с одной стороны и сзади – открытое море. Я думаю, когда оттуда ветер, то суда подвержены большой опасности.

– Правда, эта неудобность точно есть; иногда осенью во время сильных восточных ветров разбивает корабли, однако это случается очень редко и против сего предприняты нужные меры: предположено устроить прочную и обширную гавань, для чего ассигнована из казны сумма; сверх того, и городские доходы будут употреблены на то же. Вспомните, как недавно существует Одесса, можно ли было все вдруг сделать?

– *Говорят, здесь чрезвычайная дороговизна на съестные припасы, на лес и дрова, потому что город окружен со всех сторон необитаемыми степями.*

– Съестные припасы, конечно, довольно дороги от большого стечения народа, но вы можете найти все что угодно. Что ж принадлежит до степей, то попечением Дюка де Ришелье они почти все заселены колонистами. Вы с которой стороны приехали сюда?

– *Из Николаева.*

– По этой дороге мало селений, но поезжайте к Тирасполю и Овидиополю, вы найдете большие колонии дворов по 400 и более; колонисты живут очень зажиточно и доставляют сюда съестные припасы не только для нашего продовольствия, но и для продажи в чужие края. Лес, точно, дорог, его должно привозить из отдаленных мест, но в дровах большой нужды не имеем: зимы здесь почти не бывает; на кухнях жжем мы кизяк и торф, для строения же у нас есть множество прекрасной плиты, которая по мягкости своей очень удобна; ее обтесывают и обрубляют, как дерево; вы это, верно, сами видели?

– *Точно видел, но мне сказывали, что эта плита не прочна.*

– Совсем нет: есть строения, которые около 20 лет существуют, и ничего, не обвалились; напротив, чем более плита сия сохнет на воздухе, тем становится тверже и прочнее.

– *Я слышал, у вас так мало пресной воды, что будто множество волов, на которых привозят сюда пшеницу, погибает от недостатка в пойле. Вы согласитесь, что это весьма важная неудобность.*

– Точно, прежде у нас недоставало воды, но теперь сделано много колодезей. Сверх того, вы, конечно, заметили, бывши в гавани, сколько ключей бьет из горы. Эти ключи предположено также разрыть и обделать.

– У вас осенью и весною бывает столь большая грязь, что не только затруднительно, но иногда даже совсем невозможно возить пшеницу из магазинов в гавань.

– Правда, земля здесь во время дождей очень распускается и бывает большая грязь, но многие улицы, ведущие в гавань, уже намощены, и скоро весь город будет иметь мостовую.

Сведения, сообщенные в сем разговоре, убедительно доказывают, что великий государь наш не оставляет без внимания ничего, что может споспешествовать к распространению и приведению торговли в цветущее положение. Выгоды, которые получит от сего государство, всего же более богатство и благосостояние подданных его, вознаградят за те пожертвования, которые должно для сего сделать.

Но письмо мое сделалось уже слишком пространно. В другое время, ежели вы позволите, я сообщу вам историческое изыскание о торговле древних народов по Черному морю. Известная Колхида; реки: Фаз (нынешний Риом), Кирус (Кур), посредством коих греки, и потом римляне, производили коммерцию с Индиєю и Китаем, находятся теперь в нашем владении. Может быть, когда-нибудь откроется возможность установить торговые сношения с сими государствами тем же путем, который указан древними. Нам позволительно желать сего.

Имею честь быть и проч.

Ваш покорнейший слуга

.....

Сын отечества. – СПб., 1817, ч. 38, № 20-21

От редакции. Справедливость требует прибавить следующее. Тексты П. Свиньина об Одессе много десятилетий назад анализировались профессором С.Я. Боровым. Об их датировке, в частности, идет речь в его работе «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века», опубликованной во втором томе трудов Пушкинской конференции Одессы и Кишинева (Кишинев, 1961, с. 265-288). В дальнейшем Саул Яковлевич уточнял датировки вариантов тек-

ста Свинына, в том числе демонстрируя соответствующие выпуски журналов «Сын Отечества» и «Отечественные записки» из фондов НБ ОГУ на заседаниях Пушкинской комиссии и секции библиофилов Одесского Дома ученых. Эта полезная публикация Галины Семькиной дает повод вспомнить о замечательном исследователе, нашем предшественнике.

Второй очерк П. Свинына публикуется в следующей книге альманаха.

